

—

Сунь Юаньнян подошла к дому Цзи, поправила одежду, потрогала причёску. Убедившись, что выглядит прилично, она широким шагом вошла во двор семьи Цзи.

Неожиданно во дворе было настолько тихо, что не было видно ни одного человека.

Она направилась прямо к внутреннему двору дома Цзи. Только подойдя к навесу, услышала доносившийся изнутри разговор, не совсем понятный, но тон был лёгким.

Видимо, гости ещё были, и было оживлённо.

Сунь Юаньнян только хотела плюнуть. Их семья теперь в деревне с дурной славой, каждый мог сказать о них что-нибудь плохое, словно они были крысы, которых гоняют по улице.

А семья Цзи, наоборот, жила в мире и согласии. Семья Цзи не оставила семье Юй никакого лица, из-за этого они оказались в таком положении.

Говоря об этом, как же можно не таить обиду.

Но она ещё не успела плюнуть, как вышел старший работник семьи Цзи, Да Нью.

«Что-то случилось?»

Сунь Юаньнян тут же выпрямилась и сказала: «Мне нужно к старосте по делу».

«Сейчас обедают».

Да Нью проработал у семьи Цзи несколько лет, и семья Цзи никогда не обращалась с ним как со слугой. Если приходили знакомые гости и садились за один стол, его тоже звали поесть вместе, не накрывая отдельного стола.

Сегодня дома был хороший обед, и никто не хотел, чтобы его прерывали.

Увидев, что Сунь Юаньнян пришла в такое время, он тоже был немного недоволен: «Госпожа Сунь, подождите немного».

«Я по важному делу, закончив тут, мне нужно спешить по другим делам!»

Сунь Юаньнян, видя, что даже наёмный работник осмеливается так с ней разговаривать, почувствовала себя ещё более несчастной. Ладно, те сплетницы у въезда в деревню, которые резко изменили своё прежнее льстивое отношение к их семье, в конце концов, они просто недалёкие крестьянки и крестьяне. Но почему слуга осмеливается так с ней разговаривать:

«Ты всего лишь работник, а ведёшь себя как хозяин. Если ты удержишь меня, сможешь ли взять на себя ответственность!»

Да Ню не мог с ней спорить, и ему оставалось только пойти и уведомить старосту.

За столом, услышав о приходе Сунь Юаньнян, все помрачнели. Цзи Янцзун положил палочки на миску, выругался пару раз и всё же встал.

«Я пойду посмотрю. Тесть и Хо Лан, вы продолжайте есть. Я закончу там и вернусь».

Хуан Иньшэн сказал: «Иди».

Цзи Янцзун поспешно вышел, увидел Сунь Юаньнян, стоящую с высокомерным видом, и недовольно нахмурился: «Что тебе ещё нужно?»

«Я, староста, пришла по деревенским делам, и я не хочу больше сюда приходить. Но вы не волнуйтесь, в будущем я не приду, даже если вы захотите».

Сунь Юаньнян, увидев нетерпеливое выражение лица Цзи Янцзуна, не почувствовала ни капли стыда за то, что семья Юй поступила неправильно. Наоборот, она даже перестала притворяться и, с высокомерием, сказала: «Мы купили имущество в городе, и я с Линсяо скоро переезжаю туда жить. Вот принесла документы».

Цзи Янцзун хмыкнул: «Смотри, в деревне уже не выжить, спешите переехать в город, а?»

«Человек стремится вверх, вода течёт вниз». Сунь Юаньнян, получив такой прямой ответ от Цзи Янцзуна, недовольно скривилась, желая вернуть себе немного лица. Она перестала скрывать и сказала: «Наш Линсяо талантлив, его продвигает Сюэ Тунчжи, он любимый ученик господина Сюэ. Переехав в город, он сможет чаще слушать его наставления».

«Тогда вам нужно поторопиться. Скоро чиновник будет переведён, самое позднее в марте следующего года господин Сюэ будет переведён. Не потеряйте всё зря».

«Спасибо за напоминание, староста. Хотя осталось всего три-пять месяцев, господину Тунчжи, думаю, легко справиться с двумя невежественными людьми».

Цзи Янцзун, услышав это, не ответил. Сунь Юаньнян, увидев это, торжествующе рассмеялась:

«Эти простолюдины, в конце концов, не могут тягаться с чиновниками. Иначе почему столько людей учатся и сдают экзамены? Не потому ли, что однажды они смогут сказать своё слово».

«Некоторые мелкие городские жители, не зная своей меры, думают, что могут много говорить в маленьком месте, и если кто-то соглашается, они чувствуют себя важными, действуют стремительно, думая, что взяли верх. Но не знают, что их опрометчивость уже заложила зерно беды».

Сердце Цзи Янцзуна ёкнуло.

Сунь Юаньнян настаивала: «Староста, разве это не так?»

«Даже самые незначительные простолюдины должны заботиться о своей репутации. Если из страха перед властью они будут смиряться и молчать, то только позволят злу разгуляться».

«Кто первым поступил неправильно, кто первым имел злые намерения, всем понятно».

В разговор вступил ровный голос. Сунь Юаньнян подняла голову и нахмурилась: «Доктор Хуан тоже здесь».

За ним вышли Хуан Маньцзин и Цзи Таоюй. К удивлению Сунь Юаньнян, Хо Шу тоже был там.

У неё с Хо Шу изначально не было никаких дел, но в доме Цзи она несколько раз на него натыкалась, и он немало её напугал.

Из-за этого сейчас, видя этого человека, ей невольно становилось страшно: «В доме старосты так оживлённо».

Присутствие Хуан Иньшэна и Хо Шу заставило Сунь Юаньнян немного поникнуть.

Не говоря уже о том, что Хуан Иньшэн много лет держал лечебницу в городе Тунчжоу и имел знакомства со многими чиновниками и мелкими чиновниками из префектуры, он их лечил. Даже если она не обращала внимания на эти знакомства, она боялась Хо Шу, опасаясь, что этот человек, не долго думая, снова её схватит.

«Раз уж нужно оформить документы, госпожа Сунь, приходите и поставьте отпечаток пальца».

Цзи Янцзун сказал, отведав её в кабинет для оформления документов.

После того, как Сунь Юаньнян устроила такой скандал, обедать, конечно, спокойно дальше было нельзя. Но хорошо, что они уже почти поели.

Хуан Иньшэн, передав свои слова, не задержался в деревне и сразу же вернулся в город.

На улице было беспокойно, в последнее время много было больных и травмированных, к тому же смена сезонов, а он был единственным врачом в аптеке. Он не мог надолго отлучаться.

Проводив тестя, Цзи Янцзун, заложив руки за спину, вернулся. Но на лице его была явная тревога, и настроение было плохим.

Хотя он знал, что Сунь Юаньнян сегодня намеренно важничала, её слова всё равно задели его за живое. Если семья Сюэ действительно применит какие-то методы, семье Цзи придётся несладко.

Теперь, когда они переехали в город, стремясь сблизиться с семьей Сюэ, хотя в деле Сяо Таоцзы семья Юй, как бы то ни было, была виновата, и Юй Линсяо даже проливал слёзы на собрании, говоря, что не может расстаться с Таоюем, он, двуличный, одно говорил в лицо, другое — за спиной. Вероятно, он не осмелится даже заикнуться перед семьей Сюэ о деле семьи Цзи.

Однако со временем кто знает, какие ещё неприятности могут устроить мать и сын из семьи Юй. Это всегда будет проблемой.

Хо Шу примерно понимал, из-за чего переживает Цзи Янцзун.

«Семья Сюэ не заключала никаких соглашений с семьей Юй в это время, это просто ставка. Юй Линсяо — потенциальный кандидат, но для этих чиновных семей он далеко не единственный выбор».

Цзи Янцзун посмотрел на Хо Шу: «Ты имеешь в виду?»

«Если у ставки не будет потенциала, по вашему знанию семьи Сюэ, будет ли она продолжать поддерживать Юй Линсяо, или откажется от пешки?»

Цзи Янцзун сказал: «Юй Линсяо действительно талантлив, и внешность у него неплохая, это то, что понравилось семье Сюэ. Но семья Юй в конце концов обычная семья, и люди из одного клана не объединены. Если он потеряет потенциал, у семьи Сюэ всего одна дочь, и они ни за что не будут его дальше поддерживать».

Хо Шу ответил: «Безусловно, раз так, старосте не нужно беспокоиться о семье Юй».

Цзи Янцзун всё ещё не совсем понимал, что имеет в виду Хо Шу, но Хо Шу больше ничего не сказал.

Хо Шу взглянул в сторону кухни Цзи и сказал:

«Сегодня спасибо старосте за угощение, я пойду».

Цзи Янцзун, увидев выражение лица Хо Шу, собрался с мыслями и сказал: «Сяо Таоцзы с мамой на кухне моют посуду, наверное, уже почти закончили. Я позову его, чтобы он проводил тебя».

«Не нужно беспокоиться».

Сказав это, Хо Шу повернулся и ушёл.

Цзи Янцзун нахмурился, немного недоумевая.

Он вернулся в дом, Таоюй вытер руки о передник и сказал: «Дедушка ушёл?»

«Ушёл».

Таоюй прикрыл корзину: «Брат Хо?»

«Все ушли».

«Ушли?»

Таоюй, услышав это, широко раскрыл глаза и поспешно, взяв корзину с едой, побежал прочь.

Цзи Янцзун, глядя на взволнованного гера, обратился к Хуан Маньцзин: «Этот ребёнок».

«Креветок, которые ты сегодня купил, осталось много, они большие и свежие. Сяо Таоцзы сказал, что все не доели из-за прихода Сунь Юаньнян, и видя, что Хо Шу тоже любит эти креветки, он взял оставшиеся, чтобы тот их забрал».

«Хорошо».

Цзи Янцзун сказал: «Этот ребёнок такой внимательный».

«Брат Хо!»

Хо Шу не спеша шёл в сторону дома Чжао, собираясь по делам. Неожиданно сзади раздался

знакомый зов.

Он обернулся и увидел Таоюя, несущего корзину с едой, бегущего с насыпи.

«Ты идёшь слишком быстро».

Хо Шу прошёл довольно большое расстояние, и Таоюй, подойдя, всё ещё тяжело дышал. Он поспешно протянул корзину с едой Хо Шу.

«Что это?»

Таоюй задыхаясь сказал: «Госпожа Юй пришла и помешала обеду, папа боялся, что ты не доел, и велел мне принести тебе корзину с едой. Дома осталось много еды, если ты не против того, что это остатки, возьми их с собой».

Хо Шу ничего не ответил, но взял корзину с едой.

Он походя открыл её и взглянул, его брови слегка шевельнулись.

В корзине лежала тарелка с креветками, но они были меньше, чем те, что были на столе во время обеда, и эти креветки были очищены от панцирей, но с неоторванными головами, аккуратно выложены на тарелке в два полных слоя.

Хо Шу вспомнил, что после обеда Таоюй ушёл на кухню, и даже когда Хуан Иньшэн ушёл, он только поспешно попрощался, не проводив его.

Он думал, что тот устал после утренней готовки, но не думал...

В сердце Хо Шу возникло неопишемое волнение, из-за которого его взгляд долго не мог оторваться.

«Я... боялся, что тарелка не вместит много, поэтому и очистил их от панцирей». Таоюй, видя, что Хо Шу пристально смотрит на креветки без панцирей, словно сам себя разоблачил, уши его немного покраснели. «У вас дома есть уксус?»

Хо Шу, услышав это, осторожно закрыл крышку корзины и кивнул.

«Вот и хорошо».

Таоюй немного смутился: «Я... я пойду. Задержал тебя надолго».

«Таоюй».

Хо Шу вдруг окликнул человека, который собирался убежать, сказав это.

«М?»

Хо Шу тихо смотрел на маленького гера перед собой. Брови Таоюя слегка приподнялись, он с недоумением посмотрел на Хо Шу: «Что случилось?»

«Ничего».

«На улице опасно, не выходи. Если нужно выйти по срочному делу, скажи мне».

«Хорошо».

Хо Шу открыл рот, хотел что-то сказать, но не знал, что ещё можно сказать. Впервые он был раздражен тем, что говорил слишком мало.

Простояв некоторое время, он смог только сказать: «Возвращайся».

Таоюй согласился.

Он пошёл вперёд, спиной к Хо Шу, в какой-то момент его разум был пуст, но потом он подумал о том, что Хо Шу взял корзину с едой, и шаг его стал немного легче.

Дойдя до поворота, он вдруг остановился.

Таоюй поджал губы, медленно повернул голову, желая посмотреть на удаляющуюся спину Хо Шу, но, обернувшись, увидел, что тот всё ещё стоит на месте и тихо смотрит на него.

Зимний ветер был немного холодным, но, проходя мимо Хо Шу, он словно обходил его стороной. Мужчина просто стоял там, обдуваемый ветром.

Их взгляды встретились, и почти внезапно, в одно мгновение, Таоюй ясно почувствовал, как в его сердце что-то поднялось, и оно медленно становилось горячим, и его сердце билось быстрее.

Подобно наводнению или яркому весеннему солнцу, оно внезапно наполнило его тело и заставило почувствовать себя полным, и даже холодный ветер уже не казался холодным.

Таоюй поспешно отвёл взгляд, глубоко вздохнул. Он поднял руку и потрогал лоб, почувствовав, что что-то не так. Он не знал, не простудился ли он утром от холодного ветра.

Но симптомы не походили на признаки простуды, и лоб не был горячим.

Он недоумевал и поспешно убежал обратно, как будто спасаясь.

Через два дня, ближе к концу месяца.

Цзи Янцзун вернулся из города с мрачным лицом.

Он ходил в префектуру, чтобы договориться о дате отправки зерна в город, выяснить, смогут ли в этом году выделить больше людей для сопровождения.

К сожалению, ему не повезло. Он столкнулся с Тунчжи в отделе по земельным делам. Тунчжи отчитал его, сказав, что в префектуре сейчас много работы, и что они не могут тратить силы на сопровождение.

То, что его отругали вышестоящие, было не так уж страшно, но отношение Тунчжи к нему заставило его заподозрить, не клеветали ли на него Юй Линсяо и Сунь Юаньян.

В душе Цзи Янцзуна было беспокойно, он был расстроен.

Сейчас было беспокойное время, и префектура не выделяла дополнительных людей для обеспечения доставки зерна из деревень на зернохранилище в городе. Если бы действительно что-то случилось, хотя староста был бы виноват, какую выгоду получила бы префектура?

Цзи Янцзун подумал, что, видимо, пришло время поговорить с хорошо знакомыми старостами о поочерёдной доставке зерна в город.

Когда он хмурился, он увидел у въезда в деревню семь или восемь жителей, собравшихся вместе, увлечённо что-то обсуждавших.

Цзи Янцзун напрягся, лицо его стало ещё более мрачным. Неужели они снова говорят о делах их семьи?

Но не успел он подойти, как его заметили несколько жителей.

«Староста!»

Несколько крестьян, увидев Цзи Янцзуна, словно нашли опору, поспешно подбежали к нему.

Не успев подойти, они уже кричали: «Вот это да! Юй Эрлана побили!»

«Что?»

Крестьянин повторил: «Юй Эрлана побили!»

Цзи Янцзун резко крикнул:

«Не выдумывайте! Он цзюйжэнь, кто посмеет побить цзюйжэня?»

Крестьянин, видя, что Цзи Янцзун не верит, с тревогой сказал: «Это правда!»

«Два дня назад госпожа Сунь принесла документы, сказала, что купила дом в городе и переезжает. Как его могли побить?»

Цзи Янцзун боялся, что деревенские жители снова где-то подхватили несколько слов и раздули их. Они всё раздувают, ещё и такие вещи выдумывают.

«Ой! Староста, если не верите, сами сходите к семье Юй и посмотрите. Только что его принесли, он вернулся по деревенской дороге».

Крестьянин, размахивая руками, говорил: «Кровь текла повсюду, на лице Юй Эрлана была и грязь, и кровь, его почти не узнали».

«Да, да, это очень страшно! Госпожа Сунь плакала и кричала, половина деревни слышала».

Цзи Янцзун, видя, что крестьяне рассказывают это так подробно, и притом не один, почувствовал, как по спине пробежал холодок.

«Кто это сделал?»

«Это жители других деревень принесли Юй Эрлана. Говорят, что на улице начался бандитизм. Эти бандиты ездят на лошадях с ножами, грабят и бьют всех, кого видят. Те, кто попадаете им на пути, терпят большое несчастье».

Крестьянин, говоря, дрожал: «Юй Эрлан, наверное, столкнулся с бандитами и был ограблен, вот и случилась эта беда. Ему повезло, что хорошие люди подобрали его и принесли обратно, иначе, если бы он потерял сознание на дороге и истек кровью, он бы, наверное, не выжил».

Цзи Янцзун широко раскрыл глаза, его открытый рот не мог закрыться.

Через некоторое время он только спросил: «Как он сейчас?»

«Не знаю, только видел, как его отнесли домой».

Крестьяне видели, что Юй Линсяо чуть не погиб, и им было его очень жаль, но сейчас, увидев, что бандиты вдруг появились прямо у них перед глазами, им стало очень беспокойно.

За последние десятилетия в Тунчжоу такое было впервые, что бандиты подошли так близко. Раньше только те, кто ездил в город, упоминали об этом, и были небольшие слухи, но все считали это просто необыкновенной историей, не думая, что это действительно произойдёт здесь.

Теперь все были в панике, каждый боялся за себя.

«Староста, на улице такой беспорядок, что делать!»

«Да, они придут в деревню?»

Цзи Янцзун успокаивал крестьян: «Не волнуйтесь, все. В префектуре уже направили солдат для преследования. В ближайшее время постарайтесь не выходить из деревни».

«Чем больше трудностей, тем меньше нужно паниковать. Я сначала схожу к семье Юй, посмотрю. А вы идите домой и скажите детям, чтобы ни в коем случае не играли на улице».

«Да, да, да».

Цзи Янцзун поспешил к семье Юй, всё ещё не совсем веря в правдивость этой истории.

Только у ворот дома Юй, увидев встревоженные лица нескольких членов клана Юй, он убедился, что с Юй Линсяо действительно что-то случилось.

Он не спеша вошёл во двор, ожидая, что члены семьи Юй будут на него сердиться, но к удивлению, они подошли к нему: «Староста, вы пришли!»

«Как он? Сильно ранен?»

Не успел Цзи Янцзун договорить, как услышал изнутри голос своей жены, вышедшей из комнаты.

«Ты тоже пришла?» — спросил он, идя внутрь.

Только подойдя к двери внутренней комнаты, он увидел Таоюя, сидящего на кровати.

Брови Цзи Янцзуна сдвинулись: «Сяо Таоцзы, как ты здесь оказался!»

«Линсяо тяжело ранен, и не смогли сразу найти другого врача. Помня, что Тао гер учился медицине у доктора Хуана, сначала пригласили его посмотреть», — поспешно объяснил глава семьи Юй.

Хуан Маньцзин пришла, потому что беспокоилась о Таоюе, который пришёл один.

Все в комнате ждали предварительного результата. Руки Таоюя были в крови. Он взглянул на отца, затем повернулся к Сунь Юаньнян, лицо которой было искажено от слёз:

«У него, видимо, только внешние раны, но главное, что рука сломана. Нужно скорее пригласить врача».

Сунь Юаньнян, услышав это, чуть не потеряла сознание. Члены клана Юй в комнате тоже вскрикнули: «Сможет ли он после этого писать!»

Сунь Юаньнян, услышав это, в ужасе схватила Таоюя:

«Ты быстрее вправь кость Линсяо, даже если ты на него в обиде, не нужно в такой момент оставлять его без помощи! Это человеческая жизнь, как может врач так поступать!»

Хуан Маньцзин, увидев, как Сунь Юаньнян обезумела, поспешно оттянула Таоюя от неё и защитила его: «Что ты делаешь!»

«Как врач, я отношусь к пациентам одинаково. Он тяжело ранен, а мои медицинские навыки ограничены. Если я опрометчиво буду вправлять ему кость, это только навредит ему».

Таоюй сказал: «Сейчас самое главное — быстрее пригласить хорошего врача».

Сунь Юаньнян, услышав это, немного успокоилась и поспешно взглянула на дядей в комнате: «Старший брат, врач, которого вы вызвали, уже приехал?»

Несколько членов клана Юй замялись, и никто не ответил.

Кто-то пробормотал: «На улице такой беспорядок, как осмелиться ехать в город за врачом...»

«Ваш родной племянник в таком состоянии, а вы, трусы, даже врача не хотите позвать! А позвали какого-то там недоделанного врача из деревни, вы хотите убить Линсяо!»

Сунь Юаньнян, увидев, что клан Юй в такой момент думает только о своей безопасности и даже не хочет позвать врача, чуть не выплюнула кровь от злости.

«Линсяо — ребёнок вашего клана Юй! Если с ним что-то случится, никто из вас не получит ни капли выгоды».

Несколько членов клана Юй и так были недовольны тем, что Сунь Юаньнян хотела, чтобы они скинулись на дом для Юй Линсяо в городе. Теперь, увидев, как она так кричит при посторонних, они тоже вступили с ней в пререкания:

«Мы говорим, мама Линсяо, ты ругаешь нас за трусость, а у нас ведь тоже семьи и старики с детьми. Если что-то случится, как жить семье? Деньги вы, мать и сын, и так выжали досуха, а теперь ещё хотите, чтобы мы рисковали жизнью ради вашего Линсяо. Это не слишком ли жадно?»

«Я жадная? Раньше вы так жестоко обращались с нами, сиротами и вдовой, а когда Линсяо стал успешен, бесстыдно прилипли к нему. Кто из вас, семьи Юй, не жадный!»

Выговор Сунь Юаньнян показался ей недостаточным, и она внезапно встала и сказала: «Сейчас я с вами расправлюсь!»

Комната наполнилась шумом борьбы и споров. Юй Линсяо в этой суматохе открыл глаза. Увидев Таоюя, стоящего у кровати, ему на мгновение показалось, что он умер.

Он осторожно окликнул: «А-Юй?»

Никто не услышал его голоса. Только Таоюй обернулся, взглянул на Юй Линсяо и громко сказал: «Не ссорьтесь, он очнулся!»

Люди в комнате остановились, сразу стало тихо. Сунь Юаньнян поспешно бросилась к кровати: «Сынок, ты наконец-то очнулся. Напугал маму до смерти!»

Сунь Юаньнян, говоря, плакала: «Все эти твои дяди и тётки, все они бессердечные твари, даже врача тебе не хотят позвать».

Несколько членов клана Юй смутились. Один из старших, колеблясь, сказал: «Ладно, я пойду».

«Старший брат, поезжай на нашем муле, быстрее будет».

После того, как двое ушли, Сунь Юаньнян, вытирая глаза, сказала: «Линсяо, как это случилось? Ты что, действительно наткнулся на бандитов?»

Юй Линсяо слабо дышал, чувствуя небольшое облегчение от того, что оказался дома. Но, услышав слова о бандитах, снова испугался:

«Я, я не знаю. Сегодня я пошёл платить за дом, и по дороге услышал шум. Вдруг перед глазами потемнело, и я потерял сознание».

Дойдя до этого места, Юй Линсяо попытался нащупать свой кошелёк, но правая рука не двигалась. Вместо этого его пронзила острая боль: «Моя рука».

«Линсяо, не шевелись. Жди, пока твой старший дядя позовёт врача, чтобы он тебя хорошенько осмотрел».

Пятый брат из семьи Юй подошёл, осмотрел его и нахмурился: «Деньги пропали».

«Что с моей рукой!»

Юй Линсяо пытался пошевелить рукой, но она никак не реагировала, только ощущалась пронзительная боль.

Чем больше он пытался, тем сильнее пугался: «Мама, моя рука!»

«Линсяо, не спеши, когда придёт врач, всё будет хорошо, всё будет в порядке».

Сунь Юаньнян прижала Юй Линсяо: «Всё будет в порядке».

«Моя правая рука! Как я теперь буду писать!»

Видя, что Юй Линсяо становится немного агрессивным, люди в комнате боялись, что он упадёт с кровати, и поспешно подошли, чтобы успокоить и удержать его.

Цзи Янцзун, увидев это, переглянулся с Хуан Маньцзин. Затем Цзи Янцзун подошёл и сказал:

«Хорошо, что он очнулся. После этого случая в деревне царит паника, мне нужно успокоить людей, собрать односельчан, чтобы разработать меры по противодействию. Я пойду».

Неожиданно Юй Линсяо замолчал, услышав слова Цзи Янцзуна.

«А-Юй...»

Юй Линсяо на кровати вдруг слабо окликнул: «Не уходи, пожалуйста, мне очень больно».

Таоюй повернулся к бледному человеку на кровати. Хотя кровь уже была смыта, на его красивом лице всё ещё оставалось много ран, выглядевших очень жалко.

Цзи Янцзун, увидев это, нахмурился, боясь, что его сын смягчится.

«Я оставил обезболивающее. Его сделал мой дедушка, оно очень эффективное. Если госпожа Сунь намажет, станет легче».

«Простите, мои медицинские навыки ограничены, я не могу лечить вашу руку».

Супруги Цзи, увидев это, вздохнули с облегчением. Сказав это, они, не обращая внимания на крики Юй Линсяо, ушли из этого очага раздора.

«Сегодня я ездил в город, но не видел бандитов».

Цзи Янцзун не мог понять, как Юй Линсяо столкнулся с ними, да ещё и получил побои.

«На улице ведь никто не говорил о бандитах?»

«Ты не слышал, как он говорил, что пошёл платить за дом? Говорят, это двухэтажный дом, он нёс с собой немалую сумму. Наверное, на него бандиты и нацелились».

Хуан Маньцзин, говоря, почувствовала страх: «Бандиты свирепые, убивают и грабят, у них нет никакого милосердия. То, что он остался жив, — это, наверное, Божье благословение».

Цзи Янцзуну казалось, что дело не так просто, что в нём много странностей, но он не мог объяснить, что именно. Он не осмеливался делать поспешных выводов.

Видя Юй Линсяо в таком состоянии, он не испытывал особой жалости. Много злых дел совершено, теперь пожинает плоды.

Подумав, он посмотрел на Таоюя, который молчал с тех пор, как они вышли из дома Юй, и сказал: «Почему молчишь? Напуган, или жалко Юй Эрлана?»

Таоюй покачал головой, опровергнув слова отца о том, что ему жалко Юй Линсяо.

Он, будучи образованным человеком, больше, чем кто-либо другой, знал, насколько важна репутация, но всё же использовал её, чтобы его подставить.

Когда он узнал правду, его сердце уже окаменело. Если говорить о чувствах, то осталось только отвращение.

Однако, услышав о бандитизме на улице, он действительно немного испугался: «Кость в руке Юй Линсяо сильно раздроблена, даже если бы приехал дедушка, боюсь, и он был бы бессилен».

Он мог бы вправить кость, но не мог вправить такую раздробленную кость. Сказать, чтобы пригласили другого врача, это было просто для того, чтобы оставить им немного надежды.

Супруги Цзи были потрясены, услышав это. Как раз в тот момент, когда они собирались что-то сказать, перед ними внезапно появилась фигура, прислонившаяся к стволу дерева, словно ожидавшая их.

—

<http://bllate.org/book/14480/1281191>